

На правах рукописи

Субачев Алексей Константинович

**ИНСТИТУТ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ
В НОРМАХ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата юридических наук

Красноярск – 2019

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Дальневосточный федеральный университет», на кафедре уголовного права и криминологии

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор
Басова Татьяна Борисовна

Официальные оппоненты:

Шеслер Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор, федеральное государственное казённое образовательное учреждение высшего образования «Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний», профессор кафедры уголовного права

Гарбатович Денис Александрович, кандидат юридических наук, доцент, Уральский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия» (г. Челябинск), заместитель директора филиала по научной работе; заведующий кафедрой уголовного права

Ведущая организация:

Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова»

Защита состоится 20 мая 2019 г. в 15 час. 00 мин. на заседании объединенного совета по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук Д 999.126.03 на базе ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» по адресу: г. Красноярск, ул. Маерчака, д. 6, ауд. 4-09, зал заседаний учёного совета Юридического института.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке СФУ и на сайте: <https://www.dvfu.ru/>; <https://www.nsu.ru/>; <https://law.sfu-kras.ru/>.

Автореферат разослан «___» февраля 2019 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Н.Н. Коротких

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Соучастие в преступлении заслуженно считается одним из самых сложных институтов уголовного права, что в немалой степени обусловлено спецификой конструирования норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ): составы преступлений, за некоторыми исключениями, описывают индивидуальную преступную деятельность. По указанной причине в случае совершения преступления усилиями двух и более лиц, не все из которых участвовали в выполнении объективной стороны соответствующего состава преступления (так называемое соучастие с распределением ролей), для правильной квалификации содеянного правоприменителю необходимо прибегать к нормам Общей части УК РФ, регламентирующим деятельность организатора, подстрекателя и пособника. Также и при совершении преступления совместными усилиями нескольких лиц, действия каждого из которых содержат лишь часть объективной стороны соответствующего состава преступления, для надлежащей уголовно-правовой оценки совершенного преступления следует руководствоваться нормами института соучастия в преступлении, регламентирующими соисполнительство и групповую преступную деятельность. Однако нормы Общей части уголовного закона по причине их обобщающего содержания и меньшей по сравнению с нормами Особенной части УК РФ казуистичности в описании являются более сложными для применения в практической деятельности.

В первоначальной редакции УК РФ 1996 г. регламентация института соучастия в преступлении по общему правилу осуществлялась посредством использования норм Общей части. Незначительные исключения образовывали составы преступлений, объективная сторона которых заключается в организаторских действиях по созданию преступных групп и (или) руководству ими (ст. 208, 209, 210 УК РФ). Несмотря на определенную степень дублирования в указанных составах преступлений действий организатора преступления, установление уголовной ответственности за соучастие в преступлении в подобной форме не входило в противоречие с принципами уголовного права, а было обусловлено повышенной степенью опасности приготовительных к преступлению действий в виде создания преступных групп и руководства их деятельностью. Более того, ответственность за указанные действия в большей степени имеет характер от-

ветственности за приготовление к преступлению, нежели за соучастие в его совершении. Данный тезис подтверждается положениями ч. 5 ст. 35 УК РФ, предусматривающей ответственность организатора не только за создание и руководство преступной группой, но и за все совершенные такой группой преступления, если они охватывались его умыслом. Следовательно, ответственность таких организаторов по отношению к совершаемым группой преступлениям носит субсидиарный характер, что не даёт нам поводов говорить о тождественности содержания указанных статей Особенной части УК РФ нормам института соучастия в преступлении.

Другим исключением из указанного правила на момент принятия уголовного закона являлся состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 359 УК РФ (вербовка, обучение, финансирование или иное материальное обеспечение наемника).

Со временем в отечественной уголовно-правовой политике наметился поворот в сторону криминализации деяний, соответствующих тому или иному виду соучастия, указанному в ст. 33 УК РФ, в качестве самостоятельных составов преступлений, который к настоящему времени нашел отражение в уголовно-правовых нормах, предусмотренных статьями 204¹ (посредничество в коммерческом подкупе), 205¹ (содействие террористической деятельности), ч. 1 ст. 208 (финансирование вооруженного формирования (объединения, отряда, дружины или иной группы), не предусмотренного федеральным законом), 282³ (финансирование экстремистской деятельности), 291¹ (посредничество во взяточничестве), ч. 1 ст. 359 (финансирование или иное материальное обеспечение наемника), ч. 3 ст. 361 (финансирование акта международного терроризма) УК РФ¹ и др.

Ввиду того, что отечественная уголовно-правовая доктрина традиционно придерживалась представления о соучастии в преступлении именно как об институте Общей части уголовного закона, упомянутое нормотворчество нуждается в подробнейшем исследовании на предмет его соответствия правилам конструирования уголовно-правовых норм, а также принципам уголовного права и уголовно-правовой политики.

Изложенное и определяет актуальность темы настоящего диссертационного исследования.

¹ Далее по тексту обозначенные статьи будут упоминаться без указания на наименование преступления как: 204¹, 205¹, ч. 1 ст. 208, ст. 282³, ст. 291¹, ч. 1 ст. 359, ч. 3 ст. 361 УК РФ.

Степень разработанности научной проблемы. Проблемы института соучастия в преступлении поднимались еще в дореволюционной литературе такими авторами, как Л.С. Белогриц-Котляревский, А.С. Жиряев, Г.Е. Колоколов, С.В. Познышев, П.П. Пусторослев, Н.Д. Сергеевский, В.Д. Спасович, Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий, И.Я. Хейфец.

Среди ученых советского периода существенный вклад в решение проблем соучастия в преступлении внесли Ф.Г. Бурчак, Р.Р. Галиакбаров, П.И. Гришаев, А.Ф. Зелинский, Н.Г. Иванов, М.И. Ковалев, Г.А. Кригер, А.А. Пионтковский, П.Ф. Тельнов, А.Н. Трайнин, М.Д. Шаргородский, М.А. Шнейдер.

В настоящее время вопросами соучастия в преступлении как института Общей части УК РФ занимаются такие криминалисты, как С.С. Аветисян, Д.А. Безбородов, Е.В. Благов, Н.В. Димченко, А.С. Дрепелев, Д.С. Дядькин, Ю.А. Клименко, А.П. Козлов, Т.И. Косарева, Л.Л. Кругликов, А.Н. Мондохонов, С.Н. Наумов, А.И. Плотников, А.В. Плужников, Р.С. Рыжов, Р.Д. Шарапов, А.В. Шеслер и др.

Отдельные аспекты регламентации уголовной ответственности за совершение деяний, фактически представляющих деятельность соучастников преступления, указанных в ст. 33 УК РФ, в Особенной части уголовного закона освещены в работах З.А. Абакарова, П.В. Агапова, В.П. Алехина, А.А. Аникина, Е.Ю. Антоновой, А.А. Арутюнова, Н.А. Бабий, В.Н. Боркова, А.В. Бриллиантова, В.В. Васюкова, Д.А. Гарбатовича, В.И. Гладких, С.В. Иванцова, Л.В. Иногамовой-Хегай, О.С. Капинус, М.А. Кауфмана, А.Г. Кибальника, В.Л. Кудрявцева, К.В. Михайлова, Д.М. Молчанова, С.В. Мурадяна, Т.И. Нагаевой, А.И. Рарога, А.В. Серебрякова, В.И. Ткачева, П.С. Яни и др.

Необходимо выделить диссертационные исследования С.А. Ершова, В.В. Кустовой, В.В. Ульяновой, В.Ю. Шубиной, предметом которых в той или иной мере выступали проблемы соотношения регламентации уголовной ответственности за соучастие в преступлении в Общей и Особенной частях УК РФ.

В частности, исследование С.А. Ершова² посвящено пособничеству как явлению Общей части УК РФ и пособничеству, криминализованному в качестве самостоятельных составов преступлений.

² Ершов С.А. Пособничество в Общей и Особенной частях УК РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2014. 226 с.

В работе В.Ю. Шубиной³ уделено внимание проблемам регламентации пособничества в целом, однако автором также рассмотрен вопрос соотношения уголовно-правового регулирования ответственности за пособничество в Общей и Особенной частях УК РФ на примере статей 205¹ и 291¹ уголовного закона.

В.В. Ульянова в своей диссертации⁴ сфокусировала внимание на проблеме финансирования терроризма, частично затронув вопрос о соотношении финансирования терроризма и пособничества террористической деятельности.

Исследование В.В. Кустовой⁵ включает комплексное изучение проблем финансирования как преступной деятельности, в том числе и его соотношения с пособничествами.

В то же время, несмотря на наличие современных работ, посвященных проблемам института соучастия в преступлении, комплексные исследования по вопросам криминализации соисполнительской, организаторской, подстрекательской и пособничества деятельности в качестве самостоятельных составов преступлений не проводились.

В настоящем исследовании предпринята попытка комплексного изучения проблемы дублирования норм института соучастия в преступлении в статьях Особенной части уголовного закона, учитывающая ключевые составы преступлений, существенные признаки которых совпадают со столь же существенными признаками деятельности соучастников преступления.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, возникающие:

- при совершении преступлений в соучастии с распределением ролей;
- при совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 204¹, 205¹, ч. 1 ст. 208, ст. 282³, ст. 291¹, ч. 1 ст. 359, ч. 3 ст. 361 УК РФ.

Предмет исследования составляют:

- уголовно-правовые нормы, описывающие деятельность соисполнителей, подстрекателя и пособника;

³ Шубина В.Ю. Институт пособничества в совершении преступления: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 182 с.

⁴ Ульянова В.В. Противодействие финансированию терроризма: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. 184 с.

⁵ Кустова В.В. Уголовная ответственность за финансирование преступной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2016. 206 с.

– уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст.ст. 204¹, 205¹, ч. 1 ст. 208, ст. 282³, ст. 291¹, ч. 1 ст. 359, ч. 3 ст. 361 УК РФ;

– акты высших судебных органов и судебная практика по делам о преступлениях, совершенных в соучастии, а также по делам о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 204¹, 205¹, ч. 1 ст. 208, ст. 282³, ст. 291¹ УК РФ;

– научные работы по исследуемым в диссертации вопросам.

Цель диссертационного исследования – на основе существующих взглядов на проблему уголовно-правового регулирования соучастия в преступлении, в том числе в аспекте теории его отражения в нормах Особенной части УК России, анализа действующего уголовного законодательства и практики его применения, дать правовую оценку обоснованности установления ответственности за отдельные виды деятельности соучастников, криминализация которых представлена в качестве самостоятельных составов преступлений, предусмотренных статьями 204¹, 205¹, ч. 1 ст. 208, ст. 282³, ст. 291¹, ч. 1 ст. 359, ч. 3 ст. 361 уголовного закона России; определить основные направления его совершенствования в аспекте задач, стоящих перед уголовным правом на современном этапе.

Задачами диссертационного исследования определено:

– провести анализ понятия соучастия в преступлении для определения образующих его признаков;

– выявить природу и основание ответственности соучастников преступления, проанализировать приемлемость регламентации института соучастия в преступлении на уровне Общей и Особенной частей УК РФ и определить наиболее предпочтительный способ уголовно-правового регулирования ответственности за соучастие в преступлении;

– исследовать отдельные аспекты подстрекательской и пособнической деятельности для выявления проблем их понимания;

– провести уголовно-правовой анализ отдельных признаков составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 204¹, 205¹, ч. 1 ст. 208, 282³, 291¹, ч. 1 ст. 359, ч. 3 ст. 361 УК РФ, и сопоставить их с существенными признаками деятельности соисполнителя, подстрекателя и пособника;

– определить характер последствий для правоприменения, вызванных включением указанных статей в Особенную часть УК РФ;

– выработать основные направления совершенствования действующего УК РФ в аспекте задач, стоящих перед уголовным правом на современном этапе.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы познания, в том числе общефилософский, системно-структурный, структурно-функциональный, метод комплексного и системного анализа, метод моделирования и другие, а также специальные юридические: формально-юридический, технико-юридический, сравнительно-правовой и др.

Теоретическую основу исследования составляют научные труды российских учёных-правоведов отраслевого характера, в которых изложены достижения правовой доктрины в области института соучастия в преступлении.

Нормативную базу диссертационного исследования составляют международные правовые акты, нормы уголовного закона, регулирующие отношения, возникающие при совершении преступлений в соучастии, а также преступлений, предусмотренных ст.ст. 204¹, 205¹, ч. 1 ст. 208, ст. 282³, ст. 291¹, ч. 1 ст. 359, ч. 3 ст. 361 УК РФ, уголовное законодательство советского периода, разъяснения Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР, Российской Федерации по вопросам квалификации указанных преступлений.

Эмпирическую базу исследования составляют материалы судебной практики по делам о преступлениях, совершенных в соучастии, а также по делам о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 204¹, 205¹, ч. 1 ст. 208, ст. 291¹ УК РФ, изученные за период 2004-2018 гг. в объеме 686 судебных актов, в том числе: определения судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации; определения, постановления и приговоры судов различных субъектов Российской Федерации и городов федерального значения.

Из общего числа обобщенных материалов судебной практики пятьдесят судебных актов различных судебных инстанций: судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, Президиума Верховного Суда Российской Федерации, судов Кабардино-Балкарской Республики, Карачаево-Черкесской Республики, Республики Мордовия, Республики Саха (Якутия), Республики Хакасия, Краснодарского края, Приморского края, Хабаровского края, Амурской, Брянской, Иркутской, Калининградской, Московской, Нижегородской, Омской, Свердловской, Томской, Ярославской областей, городов федерального значения Москва и Севастополь непосредственно использованы автором для обоснования результатов и выводов диссертационного исследования.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что существующая в теории и на практике проблема соотношения уголовно-правовых норм, представленных в Общей части и Особенной части УК РФ, которые регламентируют ответственность за соучастие в преступлении, рассматривается на монографическом уровне комплексно и системно. В ракурсе обозначенной проблемы исследовано понятие соучастия в преступлении на предмет раскрытия его признаков, выявлены природа и основание уголовной ответственности соучастников преступления, установлены существенные признаки и особенности подстрекательской и пособнической деятельности.

Доктринальный анализ отдельных признаков составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 204¹, 205¹, ч. 1 ст. 208, 282³, 291¹, ч. 1 ст. 359, ч. 3 ст. 361 УК РФ, показал, что нормы обозначенных статей полностью либо частично дублируют положения норм, предусмотренных частями 2-5 статьи 33 уголовного закона России. Выявленные недочеты позволили диссертанту внести конкретные предложения по совершенствованию действующего уголовного закона России в аспекте задач, стоящих перед уголовным правом на современном этапе.

В результате проведенного исследования **на защиту выносятся следующие новые или содержащие элементы новизны положения:**

1. Анализ характеристики объективных признаков соучастия в преступлении позволил обосновать выводы:

– невзирая на оценочный характер такого объективного признака соучастия в преступлении, как «совместность деяния», считаем, что он складывается из следующих элементов: наличие функциональных связей между соучастниками, единый для них преступный результат, причинно-следственная связь между действиями каждого из соучастников и наступившим преступным результатом;

– формула «соучастие в преступлении образуют действия двух и более лиц» подразумевает, что каждое из совместно действующих лиц должно обладать признаками субъекта преступления. Указанное требование в равной мере распространяется на все виды совместной преступной деятельности, что вызывает необходимость уточнить редакцию статьи 32 УК РФ следующим образом: «Соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более вменяемых и достигших возраста уголовной ответственности лиц в совершении умышленного преступления»;

2. В результате исследования субъективных характеристик соучастия в преступлении доказано:

– умышленность участия как признак соучастия в преступлении требует наличия двусторонней субъективной связи как минимум между исполнителем (исполнителями) и иными соучастниками, которая проявляется во взаимной осведомленности между соучастниками об их действиях (бездействии), а также в наличии желания причинить преступный результат совместными усилиями;

– соучастие возможно лишь в умышленных преступлениях. При этом умысел может быть как прямым, так и косвенным. В преступлениях со смешанной формой вины квалифицирующие последствия, причиненные по неосторожности, могут вменяться в вину лишь непосредственным причинителям вреда.

3. Дополнительно аргументируются положения:

– соучастие в преступлении представляет собой систему, обладающую качественно иными свойствами и возможностями, нежели простая совокупность составляющих ее элементов;

– основанием уголовной ответственности соучастников выступает совершение системой соучастия деяния, содержащего все признаки состава преступления;

– природа ответственности соучастников преступления в российском уголовном законе реализована в виде акцессорного принципа и принципа самостоятельной ответственности, которые дополняют друг друга. При этом центральное место в реализации уголовной ответственности соучастников преступления занимает именно акцессорный принцип, в то время как принцип самостоятельной ответственности играет вспомогательную роль.

4. На основе анализа уяснения природы и основания ответственности соучастников преступления делается вывод о том, что для эффективного противодействия совместной преступной деятельности нормы института соучастия должны носить универсальный характер, а это предполагает необходимость их закрепления исключительно в нормах Общей части УК РФ.

5. Утверждается, что:

– подстрекательство представляет собой осуществляемую любыми способами активную деятельность, направленную на возникновение у строго определенного (-ых) лица (лиц) намерения совершить преступление, юридический момент окончания которой приходится на момент начала выполнения склоненным лицом хотя бы приготовления к совершению преступления;

– обязательным требованием для признания склонения к совершению преступления подстрекательством является факт доведения до сознания подстре-

каемого всех признаков соответствующего состава преступления, а также индивидуализация подстрекателем непосредственного объекта посягательства в объективной действительности;

- подстрекательство возможно в отношении любых соучастников преступления;

- пособническая деятельность представляет собой существенное содействие преступной деятельности любого из соучастников способами, перечень которых является исчерпывающим.

6. Установлено, что преступления, размещенные в ст.ст. 204¹ (посредничество в коммерческом подкупе), 205¹ (содействие террористической деятельности), ч. 1 ст. 208 (финансирование вооруженного формирования (объединения, отряда, дружины или иной группы), не предусмотренного федеральным законом), ст.ст. 282³ (финансирование экстремистской деятельности), 291¹ (посредничество во взяточничестве), ч. 1 ст. 359 (финансирование или иное материальное обеспечение наемника), ч. 3 ст. 361 (финансирование акта международного терроризма) УК РФ, предусматривают ответственность за отдельные виды деятельности соучастников, криминализация которых представлена в качестве самостоятельных составов преступлений.

В результате критической оценки отражения института соучастия в преступлении в нормах Особенной части УК РФ аргументированы выводы:

- криминализация общественно опасных деяний в обозначенных статьях Особенной части уголовного закона России в форме самостоятельных составов преступлений не имеет под собой уголовно-политических оснований, поскольку в полном объеме сохраняются возможность и целесообразность привлечения к ответственности виновных посредством применения норм Общей части УК России, в которых регламентирована ответственность за приготовление к преступлению и соучастие в преступлении;

- интенсивность криминализации уголовного закона в части регламентации ответственности за отдельные виды деятельности соучастников свидетельствует о неоптимальном развитии тенденций современной уголовно-правовой политики России, когда криминализация в рамках Особенной части УК РФ путем введения в ее текст новых составов преступлений влечёт грубое нарушение принципа справедливости в части пенализации преступлений, а также исключает возможность соблюдения принципа дифференциации уголовной ответственности.

7. В целях устранения избыточности законодательного регулирования, а также выявленных в процессе исследования нарушений принципов уголовного права и уголовно-правовой политики диссертант обосновывает предложения, направленные на отказ от самостоятельной криминализации деяний, предусмотренных:

- ст. 204¹ (посредничество в коммерческом подкупе);
- ст. 205¹ (содействие террористической деятельности);
- ч. 1 ст. 208 (финансирование вооруженного формирования (объединения, отряда, дружины или иной группы), не предусмотренного федеральным законом);
- ст. 282³ (финансирование экстремистской деятельности);
- ст. 291¹ (посредничество во взяточничестве);
- ч. 1 ст. 359 (финансирование или иное материальное обеспечение наемника);
- ч. 3 ст. 361 (финансирование акта международного терроризма),

Предлагается исключить указанные нормы из Особенной части УК РФ.

Изложенными выводами и предложениями обеспечивается **теоретическая и практическая значимость исследования**. Они могут быть использованы не только в целях дальнейшей разработки теории соучастия в преступлении, но и в процессе законотворческой и правоприменительной деятельности, а также в учебном процессе и в системе повышения квалификации практических работников.

Степень достоверности результатов диссертационного исследования базируется на использовании проверенных методов исследования, солидном массиве нормативных источников в виде международно-правовых актов, уголовного и иных федеральных законов России.

Достаточная степень достоверности выводов диссертации, соответствующая формату работы, обеспечена всесторонним анализом большого объема эмпирического материала (обобщена практика отечественных судебных органов различного уровня – с указанием в диссертации сносок на конкретные изученные судебные акты), а также значительного количества теоретических источников, представленных научными работами российских учёных, исследовавших различные проблемные аспекты института соучастия в преступлении в разрезе его отражения как в нормах Общей части, так и в нормах Особенной части УК России.

Апробация результатов исследования. Диссертационное исследование подготовлено и обсуждено на кафедре уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета.

Сформулированные в диссертации научные положения и выводы отражены в десяти публикациях. Пять из них – в журналах, включённых в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК России для опубликования основных положений диссертационных исследований.

Кроме этого, отдельные научные положения и выводы диссертации представлены в опубликованном в открытой печати Научно-техническом отчете по научно-исследовательской работе в рамках проектной части государственного задания № 29.763.2014/К в сфере научной деятельности за 2015 г. по теме: «Угрозы криминального характера в сфере общественной безопасности Российской Федерации: мониторинг эффективности уголовного законодательства и правоприменительной практики; меры по противодействию и нейтрализации», в котором соискателем единолично подготовлен отдельный параграф.

Основные положения, выводы и практические рекомендации диссертационного исследования докладывались автором на различных региональных и международных научно-практических конференциях (2014-2018 гг.): на Молодежном симпозиуме Владивостокского филиала Российской таможенной академии (г. Владивосток, 2014 г.), на молодёжной научной конференции «Дагелевские чтения. Актуальные проблемы науки и практики» (г. Владивосток, 2015-2017 гг.), на международной конференции «Проблемы противодействия терроризму и экстремизму в России и странах Азиатско-Тихоокеанского региона», состоявшейся в рамках IV Тихоокеанского юридического форума «Перспективы развития юридической науки, практики и образования в Азиатско-Тихоокеанском регионе» (г. Владивосток, Дальневосточный федеральный университет, 2-3 октября 2018 г.).

Структура диссертации определена поставленными автором целью и задачами исследования, логикой последовательного изложения изучаемой проблематики. В связи с этим работа состоит из введения, трёх глав, включающих восемь параграфов, заключения, списка использованных нормативных правовых актов и научной литературы (библиографии). Объём диссертации соответствует требованиям, предъявляемым к оформлению такого рода исследований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, раскрывается степень ее научной разработанности; определяются цель и задачи исследования, его объект и предмет, называются методология, теоретическая, нормативная и эмпирическая основы работы, ее научная новизна, формулируются положения, выносимые на защиту, раскрывается теоретическая и практическая значимость диссертации, приводятся сведения о достоверности и апробации результатов исследования, описывается структура диссертации.

Глава первая *«Признаки соучастия в преступлении. Природа и основание ответственности соучастников преступления»* включает в себя три параграфа.

В *первом параграфе «Объективные признаки соучастия в преступлении»* дан научный анализ понятия соучастия в преступлении в разрезе объективной составляющей исследуемого уголовно-правового явления. Отмечается, что соучастие в преступлении с объективной стороны характеризуется такими признаками, как совместность участия и участие в совершении преступления двух и более лиц. Совместность деяния раскрывается через такие составляющие указанный признак элементы, как наличие единого для всех соучастников преступного результата, функциональная связь между действиями соучастников и причинно-следственная связь между действиями соучастников и наступившим преступным результатом.

Наличие единого для всех соучастников преступного результата понимается как причинение преступлением, совершенным в соучастии, вреда объекту преступного посягательства. Заостряется внимание на том, что причинение единого преступного результата не связано с конструкцией объективной стороны состава преступления. В преступлениях и с материальным, и с формальным составом деяния соучастников приводят к единому для них преступному результату. Обосновывается, что совместные деяния направлены на один и тот же охраняемый уголовным законом объект. При этом критически оценивается позиция, в соответствии с которой фактическая принадлежность действий (бездействия) соучастников к одному преступлению может получить неодинаковую для всех соучастников уголовно-правовую оценку.

Разъясняется, что функциональная связь между деянием соучастников предполагает совершение каждым из совместно действующих лиц действий (бездействия), необходимых для выполнения своих преступных функций дру-

гими соучастниками, и проявляется на всех стадиях развития преступной деятельности соучастников вплоть до ее окончания.

Учитывая специфику соучастия в преступлении как объединения двух и более лиц в целях совершения преступления, не каждое из которых участвует в выполнении объективной стороны состава преступления, предлагается воспринимать соучастие в преступлении как систему, в которой причинителями вреда следует считать не только исполнителя (соисполнителей), а всех соучастников сразу. Ввиду того, что единый преступный результат причиняется при наличии взаимодополняющих друг друга действий соучастников, преступный результат следует воспринимать как продукт коллективных действий, достигнутый совокупными усилиями всех совместно действующих лиц. Как следствие, причинно-следственная связь подлежит установлению между совокупностью действий всех соучастников и причиненным преступным результатом.

В результате научного анализа субъектной характеристики исследуемого явления подвергнута критике существующая практика высшей судебной инстанции страны, когда действия виновного, совершившего преступление совместно с лицом, не отвечающим критериям субъекта преступления в силу возраста или невменяемости, квалифицируются как совершение преступления в составе преступной группы. По мнению соискателя, указанный подход не соответствует общим положениям уголовного закона о субъекте преступления, в связи с чем предлагается сформулировать ст. 32 УК РФ следующим образом: «соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более вменяемых и достигших возраста уголовной ответственности лиц в совершении умышленного преступления». Случаи заблуждения виновного относительно субъектных качеств другого «соучастника» и его способности нести уголовную ответственность предлагается оценивать по правилам о фактической ошибке, не исключающей ответственности за покушение на совершение преступления в составе группы.

Во втором параграфе «Субъективные признаки соучастия в преступлении» исследуются признаки – умышленность участия и участие в совершении умышленных преступлений, которые характеризуют соучастие в преступлении с субъективной стороны. Выявлено, что умышленность участия предполагает отражение признака совместности участия в сознании всех соучастников, в результате чего между ними возникает двусторонняя субъективная связь, что отражается и на содержании вины каждого из совместно действующих лиц: по-

мимо общей структуры умысла при совершении преступления, интеллектуальный момент умысла соучастника включает в себя осознание общественно опасного характера действий (бездействия) других соучастников и предвидение наступления общего для них преступного результата, а волевой – желание причинения их совместными усилиями вреда объекту преступного посягательства. Наличие двусторонней субъективной связи обязательно лишь между подстрекателем, пособником и организатором с одной стороны, и исполнителем (соисполнителями) – с другой, а также между функционально взаимодействующими между собой соучастниками. Заостряется внимание, что соучастие возможно лишь в умышленных преступлениях, причем исполнитель и пособник могут действовать как с прямым, так и с косвенным умыслом, в то время как подстрекатель и организатор – только с прямым.

При рассмотрении правил квалификации преступлений со смешанной формой вины последовательно отстаивается позиция, в соответствие с которой причиненные по неосторожности преступные последствия, предусмотренные в качестве квалифицирующих обстоятельств, могут вменяться в вину лишь соучастникам, непосредственно участвовавшим в выполнении объективной стороны соответствующего состава преступления, и чьи действия повлекли наступление предусмотренных составом квалифицирующих последствий. Дополнительно сделан акцент на отсутствии единообразия в современной судебной практики, когда в одних случаях причиненные исполнителем (соисполнителями) по неосторожности преступные последствия вменяются в вину всем соучастникам преступления, а в других – только непосредственным причинителям вреда.

В *третьем параграфе «Природа и основание уголовной ответственности соучастников преступления»* рассмотрен вопрос об основании ответственности соучастников, а также исследованы ключевые черты теории акцессорной ответственности и концепции самостоятельной ответственности соучастников преступления. Критически оценивается позиция, в соответствии с которой основанием уголовной ответственности соучастника, не участвовавшего в выполнении объективной стороны состава преступления, является наличие в его действиях признаков состава преступления, предусмотренных нормами Особенной части УК РФ. Не создает четкого представления об основании ответственности за соучастие и ссылка на то, что состав преступления, содержащийся в действиях отдельно взятого соучастника, складывается также из норм Общей части УК РФ о видах деятельности соучастников. Соучастие в преступлении представляет

собой сложноорганизованную систему взаимодействия слагающих ее элементов – соучастников. Ввиду этого основанием уголовной ответственности совместно действующих лиц выступает совершение системой соучастников единого для нее состава преступления. Действия же каждого из соучастников содержат в себе отдельные признаки совершаемого в соучастии состава преступления, а причинно-следственная связь устанавливается между действиями всех соучастников преступления, взятых в их системной целостности, и наступившим преступным результатом.

Анализ норм об ответственности и наказуемости содеянного соучастниками преступления, а также современной судебной практики позволил диссертанту продемонстрировать то, как реализованы дополняющие друг друга акцессорный принцип и принцип самостоятельной ответственности в российском уголовном законе. При этом сделан акцент на том, что при наличии принципа самостоятельной ответственности соучастников центральной фигурой в системе соучастия все же остаётся исполнитель преступления. В связи с этим до появления фигуры исполнителя соучастия в преступлении не возникает.

Детальный анализ акцессорного принципа и принципа самостоятельной ответственности соучастников преступления привел исследователя к обоснованному выводу: уголовно-правовое регулирование института соучастия в преступлении будет более оптимальным лишь в случае использования универсальных норм, закрепленных в Общей части уголовного закона.

Вторая глава *«Отдельные виды соучастия в преступлении: проблемы правопонимания»* состоит из двух параграфов.

Первый параграф *«Проблемные аспекты понимания подстрекательства»* посвящён исследованию отличительных особенностей подстрекательской деятельности, а также проблемным вопросам понимания подстрекательства к совершению преступления. Подстрекательская деятельность является активной и всегда направлена на возбуждение у лица решимости совершить преступление. Несмотря на отсутствие острой необходимости закрепления в понятии подстрекателя наиболее типичных способов его воздействия на психику подстрекаемого по причине того, что их перечень является открытым, актуальная редакция ч. 4 ст. 33 УК РФ в целом является приемлемой, поскольку упрощает задачу правоприменителя по квалификации преступных деяний.

Несмотря на то, что функционально подстрекательство является окончательным после совершения субъектом действий, направленных на склонение лица к

совершению преступления, юридически деятельность подстрекателя следует считать оконченной не ранее начала совершения склоненным лицом хотя бы приготовительных преступных действий. Формулировка «неудавшееся подстрекательство» подвергнута аргументированной критике как несоответствующая уголовному закону. Ввиду того, что соучастие возникает не ранее начала совместной преступной деятельности как минимум двух лиц, безрезультативные действия по склонению к совершению преступления не могут расцениваться не только как подстрекательство, но и как совершенные в соучастии вообще, и подлежат квалификации как приготовление к совершению соответствующего преступления без ссылки на ч. 4 ст. 33 УК РФ, что не учитывается современной судебной практикой.

Подстрекательство совершается в отношении конкретного лица и в отношении конкретного преступления. В отличие от публичных призывов оказываемое подстрекателем воздействие носит строго персонифицированный характер, что не позволяет рассматривать обращение к неограниченному кругу лиц с целью их склонения к совершению преступления в качестве подстрекательства. При этом подстрекательство возможно не только в отношении будущего исполнителя, но и иных соучастников преступления. Тезис о том, что подстрекатель склоняет лицо к совершению конкретного преступления, конкретизируется. В частности, донесения до сознания подстрекаемого признаков состава, предусмотренных Особенной частью УК РФ, явно недостаточно, если к совершению преступления склоняется иной, помимо исполнителя, соучастник преступления, который должен также осознавать свою функциональную роль с позиции института соучастия в преступлении (организатор, подстрекатель, пособник). Более того, даже описание подстрекателем всех признаков состава совершаемого преступления не является достаточным для признания склонения к совершению преступления подстрекательством. Лишь индивидуализация непосредственного объекта преступного посягательства в виде конкретного потерпевшего, предмета или охраняемых уголовным законом общественных отношений позволяет воспринимать лицо в качестве подстрекателя.

Во втором параграфе *«Проблемные аспекты понимания пособничества»* представлен анализ спорных вопросов пособнической деятельности. В первую очередь обращается внимание на существенность оказываемого пособником содействия как необходимое условие признания его действий преступными. Такой подход точно соответствует фундаментальному требованию основания уголов-

ной ответственности о непременном наличии причинно-следственной связи между деянием и причиненным соучастниками преступным результатом, в связи с чем как преступное может быть расценено лишь такое содействие, которое выступило одной из составляющей причинного комплекса совершенного соучастниками преступления. Несущественное содействие, не отвечающее указанному критерию, следует рассматривать по признаку малозначительности деяния.

В качестве частного примера отсутствия причинно-следственной связи между содействием и совершенным соучастниками преступлением в диссертации приводятся случаи, в которых помощь лица оказалась не востребовавшей. Подобную помощь, если она объективно могла оказать существенное воздействие на развитие причинно-следственной связи, следует расценивать вне рамок института соучастия в преступлении по причине отсутствия совместности деяния «пособника» и иных соучастников и квалифицировать как приготовление к совершению преступления.

Рассматривая критерий существенности применительно к оказываемому лицом интеллектуальному содействию в виде дачи советов, указаний и предоставления информации, автор критически оценивает существующее в литературе представление об интеллектуальном пособничестве исключительно с позиции укрепления решимости лица совершить преступление в качестве основного следствия такой помощи и составляющей причинного комплекса совершаемого соучастниками преступления. Интеллектуальное пособничество, совершенное упомянутыми способами, может оказывать влияние на развитие причинно-следственной связи совершаемого соучастниками преступления лишь в том случае, если советы, указания и информация реально использовались в процессе совершения преступных действий тем или иным соучастником.

Несмотря на то, что моменты юридического и фактического окончания длящихся преступлений и преступлений с усеченным составом не совпадают, пособничество совершению указанных преступлений возможно вплоть до фактического их окончания.

Последовательно обосновывается тезис о том, что пособник может оказывать содействие любому из видов соучастников преступления, а не только исполнителю.

При анализе содержания отдельных способов подстрекательской деятельности проводится разграничение между советами и указаниями по критерию детализации предоставляемой информации применительно к совершаемым со-

участником преступным действиям. По мнению диссертанта, советы даются относительно механизма совершения того или иного преступления вообще, безотносительно к конкретным обстоятельствам и обстановке планируемого преступления, в то время как указания обладают степенью детализации, позволяющей пособнику сообщить сведения о планируемом преступлении, учитывающие обстановку, время, место и способ совершения конкретного преступления, а также особенности непосредственного объекта преступного посягательства, индивидуализированного в виде конкретного потерпевшего, предмета преступления либо охраняемых уголовным законом общественных отношений.

В отличие от дачи советов и указаний предоставление информации представляет собой сообщение пособником сведений, которые хотя и не относятся прямо к процессу совершения запланированного соучастниками преступления, но имеют существенное значение для достижения соучастниками преступного результата.

Орудия и средства применительно к их предоставлению предлагается разграничивать по их назначению в процессе совершения преступления. Орудия представляют собой предметы и программное обеспечение, используемые исполнителем для непосредственного причинения вреда объекту преступного посягательства. В содержание понятия «средства» включается имущество и программное обеспечение, используемые для осуществления преступной деятельности, не связанной с непосредственным причинением вреда объекту преступного посягательства.

Устранение препятствий как способ содействия совершению преступления воспринимается как формально не ограниченный круг действий (бездействия), направленных на устранение затрудняющих либо делающих невозможным совершение преступления факторов.

Третья глава *«Криминализация отдельных видов деятельности соучастников в Особенной части УК РФ»* объединяет три параграфа.

В первом параграфе *«Содействие террористической деятельности как проявление института соучастия в преступлении в нормах Особенной части УК РФ»* на основе результатов исследования во второй главе диссертации признаков подстрекательской и пособнической деятельности, а также проведенного анализа признаков различных форм содействия террористической деятельности обосновывается тезис: подвергнутые криминализации в качестве самостоятельного состава преступления деяния в виде склонения, вербовки или

иногое вовлечения лица в совершение преступлений террористического характера представляют собой подстрекательство к совершению соответствующих преступлений, а деяния в виде вооружения и подготовки – пособничество их совершению.

При оценке целесообразности существования в уголовном законе ст. 205¹ в ее актуальной редакции в первую очередь обращается внимание на проблему конкуренции, возникающей при уголовно-правовой оценке деяний в форме вооружения и подготовки лиц в целях совершения преступления террористического характера и пособничества совершению некоторых преступлений террористического характера. Предложено разрешать её следующим образом: обозначенные в законе действия в виде «вооружение и подготовка лица в целях совершения указанных в ч. 1, 1¹ ст. 205¹ УК РФ деяний» образуют специальный состав по отношению к преступлению, предусмотренному ч. 3 ст. 205¹ УК РФ, а потому они должны быть квалифицированы по ч. 1 или ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ. Пособничество преступлениям, указанным в ч. 3 ст. 205¹ УК РФ, совершенное иными, помимо вооружения и подготовки, способами, квалифицируется по ч. 3 ст. 205¹ УК РФ.

Ввиду того, что обозначенные как преступные в нормах ст. 205¹ УК РФ виды деятельности соучастников выступают специальными по отношению к общим нормам института соучастия, такие деяния подлежат квалификации именно как содействие террористической деятельности. Игнорирование указанных норм и квалификация содействия террористической деятельности как соучастия в совершении соответствующих преступлений допустима лишь в случаях содействия формами и способами, прямо не предусмотренными ст. 205¹ УК РФ. С учетом изложенного критически оценивается предложенный отдельными криминалистами вариант квалификации содействия террористической деятельности по совокупности с соучастием в совершении преступления террористического характера.

Дополнительно поднимается проблема конкуренции уголовно-правовых норм, возникающая при вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления террористического характера. Ввиду того, что ст. 150 УК РФ предполагает дополнительную квалификацию действий виновного как подстрекательство к совершению соответствующего преступления, предлагается квалифицировать подобные действия по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 150 и 205¹ УК РФ. Если же вовлечение не привело к результату в ви-

де совершения несовершеннолетним хотя бы приготовления к совершению преступления, действия виновного подлежат квалификации как покушение на вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и оконченное содействие террористической деятельности.

Сопоставление санкций ст. 205¹ УК РФ с санкциями упомянутых в ней статей (ст.ст. 205, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ) на примере ст. 205 УК РФ показало, что в одних случаях ответственность фактического пособника, подстрекателя или организатора может быть необоснованно строже, а в других – необоснованно мягче ответственности за преступления, совершению которых было оказано содействие. Подобное несоответствие размеров наказаний воспринимается как нарушение принципа справедливости, поскольку ответственность за совершение объективно различающихся по степени общественной опасности деяний является постоянной величиной, в то время как пределы ответственности «исполнителей» преступлений террористического характера могут быть различными по своим размерам.

Ввиду того, что содействие террористической деятельности в форме склонения, вербовки или иного вовлечения является оконченным с момента начала вовлеченным хотя бы приготовления к совершению преступления террористического характера, в форме вооружения и подготовки – с момента получения лицом предметов вооружения либо с начала соответствующей подготовки, а в формах пособничества и организации – с момента совершения соответствующих действий, на практике возможны ситуации (и соответствующие примеры приведены в диссертации) признания оконченного преступления на стороне содействующего лица и приготовления или покушения на стороне «исполнителя» преступления террористического характера, что создает еще больший разрыв между размерами наказаний за совершение указанных деяний.

По причине того, что ответственность за содействие террористической деятельности посредством универсальных норм института соучастия в преступлении не влечет упомянутых негативных последствий для правоприменения, предлагается исключить из ст. 205¹ УК РФ деяния в форме склонения, вербовки или иного вовлечения указанных в ней преступлений террористического характера, подготовки и вооружения в целях их совершения, пособничества и организации их совершения.

Во втором параграфе *«Финансирование преступлений как отображение пособничества в нормах Особенной части УК РФ»* в качестве отправной точки ис-

следования выбраны использованные законодателем термины «финансирование терроризма» и «финансирование экстремистской деятельности». Руководствуясь принципом единообразного толкования содержащихся в уголовном законе понятий, соискатель полагает допустимым распространить характеристику упомянутых терминов и на составы финансирования преступлений, которые представлены в иных, помимо ст.ст. 205¹, 282³ УК РФ, статьях уголовного закона.

Доктринальный анализ обозначенных терминов показал, что финансирование преступлений в форме предоставления средств и оказания финансовых услуг по существу представляет собой пособничество совершению соответствующих преступлений в виде предоставления средств совершения преступления либо устранения препятствий, а финансирование в форме сбора средств – приготовление к совершению финансирования преступлений. При этом деятельность по финансированию преступлений совпадает с отдельными способами пособничества не только объективно, но и субъективно. Так, финансирование конкретных преступлений следует воспринимать именно как пособничество, поскольку финансирующий предоставляет или собирает средства, а равно оказывает финансовые услуги с осознанием того, что такие действия будут способствовать совершению преступлений. При финансировании преступных групп умыслом виновного могут и не охватываться конкретные «конечные» преступления, совершение которых он финансирует опосредованно, через финансирование преступных групп. Однако ввиду того, что сама деятельность преступных групп криминализована в виде самостоятельных составов преступлений, умысел финансирующего в любом случае необходимо воспринимать как конкретизированный, направленный на финансирование конкретных с точки зрения уголовного закона преступных деяний.

Критически оценивая криминализацию финансирования в качестве самостоятельных составов преступлений, соискатель в первую очередь обращает внимание на несовершенство конструкций ст.ст. 205¹, 282³ УК РФ, выражающееся в придании юридического равенства финансированию в формах сбора и предоставления средств. С учетом того, что сбор средств есть не что иное, как приготовление к финансированию, уравнение степени общественной опасности деяний, фактически являющихся разными стадиями развития одного и того же преступления, противоречит принципу справедливости.

К числу остро негативных издержек развития современной уголовно-правовой политики диссертант относит проблему несоответствия размеров

санкций за финансирование преступлений размерам санкций, предусмотренных за финансируемые преступления. Указанное несоответствие может выражаться в возложении на финансиста необоснованно завышенной или необоснованно заниженной ответственности по сравнению со степенью ответственности лица, совершившего финансируемое преступление. Наиболее наглядно это проявляется в составах финансирования терроризма и финансирования экстремистской деятельности, предусматривающих финансирование широко круга преступлений. При этом в случае с финансированием экстремистской деятельности обозначенная проблема усугубляется тем обстоятельством, что финансирование любого преступления может быть признано финансированием экстремистской деятельности при наличии соответствующего мотива у лица, совершившего финансируемое преступление.

Конструктивно с объективной стороны составы финансирования являются формальными. При этом деяние в форме предоставления средств финансирования следует считать оконченным в момент получения финансируемым средств, а деяние в форме сбора – с момента получения виновным хотя бы части средств, предназначенных для финансирования. Ввиду того, что понятие финансовой услуги является гражданско-правовым, момент окончания финансирования преступлений в указанной форме деяния определяется выполнением соответствующих услуг, предусмотренных договором, в полном объеме. В случае же, если оказание услуг в полном объеме связано с отлагательным условием, то финансирование следует считать оконченным с момента оказания предусмотренных договором услуг в связи с наступлением соответствующего юридического факта. При таком положении дел со стороны финансирующего может иметь место оконченное преступление, в то время как действия финансируемого были пресечены на стадиях приготовления или покушения, что увеличивает имеющийся разрыв в строгости назначаемых указанным лицам наказаний. В свою очередь регламентация ответственности за финансирование преступлений исключительно посредством норм института соучастия в преступлении не имеет упомянутых недостатков, способствует экономии уголовной репрессии и не противоречит принципу справедливости.

Изложенное позволило обосновывать предложение о необходимости исключения из уголовного закона норм, предусмотренных ч. 1¹ ст. 205¹, примечанием 1 к ст. 205¹ (финансирование терроризма), ст. 282³ (финансирование экстремистской деятельности), ч. 1 ст. 208 (финансирование вооруженного формирования

(объединения, отряда, дружины или иной группы), не предусмотренного федеральным законом), ч. 1 ст. 359 (финансирование или иное материальное обеспечение наемника), ч. 2 ст. 361 (финансирование акта международного терроризма).

В третьем параграфе *«Посредничество в совершении преступлений как выражение пособничества в нормах Особенной части УК РФ»* производится сопоставление признаков составов посредничества в коммерческом подкупе и посредничества во взяточничестве с нормами института соучастия, анализируются проблемные аспекты признаков указанных составов преступлений, а также оценивается обоснованность их криминализации в качестве самостоятельных составов преступлений. Отстаивается позиция, согласно которой посредничество может выступать в качестве пособничества совершению преступления, если посредник действует на стороне взяткополучателя или лица, принимающего предмет коммерческого подкупа, либо в качестве соисполнительства, если посредник действует на стороне взяткодателя либо лица, передающего предмет коммерческого подкупа.

Так, если посредничество проявляется в способствовании сторонам коррупционной сделки в достижении или реализации соглашения между ними, то с точки зрения института соучастия в преступлении такие действия образуют пособничество в виде дачи советов, указаний либо предоставления информации. Действия по непосредственной передаче предмета взятки либо коммерческого подкупа следует расценивать как пособничество в виде устранения препятствий, если такое посредничество выполняется в интересах должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой организации или иной организации. Если же посредник участвует в передаче предмета взятки в интересах взяткодателя или лица, передающего предмет коммерческого подкупа, его действия подлежат квалификации как соисполнительство в даче взятки либо в коммерческом подкупе. При этом обосновано подвергнуты критике высказанные в теории уголовного права предложения разграничивать посредничество и дачу взятки либо коммерческий подкуп по признаку принадлежности имущества, выступающего предметом указанных преступлений, а также по тому, кто именно извлекает выгоду из незаконного поведения должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации.

Посредничество в виде непосредственной передачи предмета взятки или коммерческого подкупа следует считать окончанным с момента принятия

должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, хотя бы части передаваемых ему ценностей. Не образуют состав оконченного преступления действия посредника, передавшего предмет коммерческого подкупа или взятки другому посреднику. Иными словами, момент окончания посредничества в указанной форме совпадает с моментом окончания коммерческого подкупа и взяточничества.

Вместе с тем посредничество, совершенное в форме способствования достижению соглашения между сторонами коррупционной сделки, предлагается считать оконченным с момента совершения посредником соответствующих действий независимо от их результативности. Точно так же и способствование реализации соглашения сторон коммерческого подкупа и взяточничества, по мнению диссертанта, является оконченным преступлением в момент совершения посредником действий, направленных на реализацию соглашения.

Если же взяткополучатель или получатель предмета коммерческого подкупа указали конкретное физическое или юридическое лицо, которому следует передать предмет взятки или коммерческого подкупа, действия посредника в виде непосредственной передачи взятки будут образовывать состав оконченного преступления в момент получения указанным физическим или юридическим лицом хотя бы части предмета взятки либо коммерческого подкупа.

Отмечается, что размеры наказаний, предусмотренные за посредничество, не отражают адекватно степень общественной опасности указанных преступлений и не способствуют реализации принципа справедливости. Указанный вывод сформулирован на основе сопоставления максимальных размеров наказания, представленных в санкциях статей об ответственности за посредничество, с максимальными размерами наказания, представленных в санкциях статей об ответственности за коммерческий подкуп и получение либо дачу взятки. Предопределенная законодателем пониженная степень общественной опасности посредника не соответствует реальному значению его роли при совершении коммерческого подкупа или взяточничества. Кроме того, квалифицирующие посредничество обстоятельства не коррелируют с соответствующими обстоятельствами, отягчающими коммерческий подкуп или взяточничество.

Обосновывая тезис, что предложение или обещание посредничества во взяточничестве либо в коммерческом подкупе фактически является приготовлением к совершению соответствующих преступлений, соискатель подвергает аргументированной критике не только избыточность подобного уголовно-правового

регулирования, но и степень строгости установленных за совершение указанных преступлений наказаний, которая (строгость) несоразмерна опасности обозначенных преступлений.

На основании изложенного предлагается исключить статьи 204¹ и 291¹ из действующего уголовного закона России.

В заключении подводятся итоги диссертационного исследования, основные из которых заключаются в воспроизведении сформулированных соискателем выводов, а также предложений по изменению уголовного законодательства в целях устранения существующих противоречий принципу справедливости, описываются перспективы дальнейшей разработки темы диссертационного исследования.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук:

1. *Субачев, А.К.* Регламентация ответственности за соучастие в преступлении в форме посредничества во взяточничестве / А.К. Субачев // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 7. – С. 155-158. (0,5 п.л.);
2. *Субачев, А.К.* Оценка криминализации посредничества во взяточничестве с позиции влияния на эффективность уголовно-правового регулирования института соучастия / А.К. Субачев // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 2. – С. 122-126. (0,7 п.л.);
3. *Субачев, А.К.* Регламентация ответственности за соучастие в преступлении в форме содействия террористической деятельности / А.К. Субачев // Право и государство: теория и практика. – 2018. – № 6. – С. 108-112. (0,5 п.л.);
4. *Субачев, А.К.* Регламентации уголовной ответственности за соучастие в преступлении в форме финансирования преступлений / А.К. Субачев // Современное общество и право. – 2018. – № 5. С. – 86-97. (1,3 п.л.);
5. *Субачев, А.К.* Проблемы понимания основания уголовной ответственности соучастников преступления / А.К. Субачев // Социально-политические науки. – 2018. – № 6. С. – 44-47. (0,5 п.л.);

Иные статьи и публикации:

6. *Субачев, А.К.* Участие двух или более лиц как объективный признак соучастия в преступлении / А.К. Субачев // Сборник трудов студентов и преподавателей. К 20-летию Владивостокского филиала Российской таможенной академии: сборник научных трудов / под общ. ред. проф. В.И. Дьякова; Российская таможенная академия, Владивостокский филиал. – Владивосток: РИО Владивостокского филиала Российской таможенной академии, 2014. – С. 261-266 (0,4 п.л.);

7. *Субачев, А.К.* Совместность деяния как объективный признак соучастия по российскому уголовному праву / А.К. Субачев // V Дагелевские чтения. Актуальные проблемы науки и практики: мат-лы молодежной науч. конф., Владивосток, 6-7 ноября 2014 г. / [науч. ред. А.И. Коробеев]. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т. 2015. – С. 142-148 (0,2 п.л.);

8. *Субачев, А.К.* Субъективные признаки соучастия в преступлении: спорные вопросы законодательного описания / А.К. Субачев // Юридическая наука в Китае и России. – 2016. – № 1. – С. 162-167 (0,5 п.л.);

9. *Субачев, А.К.* Уголовно-правовая оценка признака совместности деяния в групповых преступлениях / А.К. Субачев // VI Дагелевские чтения. Актуальные проблемы науки и практики: материалы молодежной научной конф., Владивосток, 18 декабря 2015 г. / [науч. ред. А.И. Коробеев]. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. – С. 167-173 (0,2 п.л.);

Публикации, размещённые на электронных ресурсах удаленного доступа:

10. *Субачев, А.К.* Содействие террористической деятельности (ст. 205¹) как проявление института соучастия в Особенной части УК РФ: проблемы теории и законодательного описания / А.К. Субачев // Угрозы криминального характера в сфере общественной безопасности Российской Федерации: мониторинг эффективности уголовного законодательства и правоприменительной практики; меры по противодействию и нейтрализации: Научно-технический отчет по научно-исследовательской работе в рамках проектной части государственного задания № 29.763.2014/К в сфере научной деятельности за 2014 г. (промежуточный). – Владивосток, 2015. – С. 22-32 (0,4 п.л.) [Электронный ресурс] // Федеральное государственное автономное научное учреждение «Центр информационных технологий и систем органов исполнительной власти» Рособрнадзора. Единая государственная информационная система учета результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения. – Режим доступа: URL: <https://esu.citis.ru/ikrbs/0t1A000Kggdu15JGbQ2cLb00> [Дата обращения: 10.12. 2018].